

Наталья Смирнова

Русск. мысль - 1997 - 9 - 15
Янв. - с. 12 - 13

«Я свил свое гнездо на парике Вольтера...»

Генрих Гейне в Париже

Дантон оказался не прав, отечество можно унести на своих подошвах и доказательство тому — судьба немецкого поэта Генриха Гейне. Сейчас бы его называли французским поэтом немецкого происхождения, так как Генрих Гейне четверть века прожил во Франции, где он умер и похоронен на Монмартрском кладбище в Париже (там, где он и хотел).

Его похоронили 20 февраля 1856 года в десять часов утра без пышных церемоний и без единой надгробной речи в присутствии немногих друзей, среди которых были Теофиль Готье, Александр Дюма и Шарль Бодлер.

“Я свил свое гнездо на парике г-на де Вольтера”, — писал о себе Гейне, в котором, по словам современников, действительно было что-то от перелетной птицы, а когда он читал свои поэмы (песни), то становился похожим на соловья, потерявшего гнездо. Это гнездо он и устроил в “в локонах Вольтерова парика” (с Вольтером, кстати, за остроумие, лукавство и резкость суждений его часто и сравнивали).

Гейне не стал французом даже pro forma, то есть не захотел принять французское гражданство: ему не позволило “дурацкое высокомерие немецкого поэта”, хотя на родине, в Германии, в то время его называли изменником и поэтом национальным считать не хотели. Гейне так хорошо удалась роль немецкого поэта на чужбине, что сейчас во Франции совсем забыли, что почти половину своей жизни он прожил в Париже.

В Париже многие годы он жил в доме номер 50 на Амстердамской улице. Здесь на четвертом этаже, в маленькой трехкомнатной квартирке с окнами на узкий и довольно темный двор, с 1848 по сентябрь 1854 года жил (а точнее — лежал) прикованный к постели болезнью спинного мозга один из величайших поэтов мира. Это, по словам Гейне, была его “матрачная могила, только без привилегий мертвецов” — тишины и покоя. Ибо Амстердамская улица, как во времена поэта, так и сейчас, была улицей шумной, только сейчас шум автомобилей заменил грохот экипажей.

Когда-то на родине поэт видел сон, который видят многие: “Каждую ночь мне снится, что я укладываю свой чемодан и еду в Париж глотнуть свежего воздуха”. Этот сон сбылся: в 1831 году Гейне покинул родину.

Семь городов Германии не оспаривают чести называться его родиной, ибо достоверно известно, что поэт родился в Дюссельдорфе, а Дюссельдорф, по его словам, — “это город на Рейне, и там живет шестнадцать тысяч человек, и кроме того, многие сотни тысяч людей лежат там в могилах”.

Гейне родился в городе, где в то время, как он вырос, “господствовали не только французы, но и французский дух”. Вернее, именно французы, так как Дюссельдорф был оккупирован ими дважды, с 1795 по 1801 год, а с 1806 по 1813 год уже наполеоновскими войсками. Маленьким Гейне видел даже въезд в Дюссельдорф самого императора Наполеона, на котором “был простой зеленый мундир и маленькая всемирно-историческая шляпа”.

Место рождения поэта не вызывает сомнений, чего нельзя сказать о годе его рождения. Гейне так хотелось быть ровесником века (“я первый человек века”), что он одно время называл датой своего рождения 1 января 1800 года, хотя мать поэта утверждала, что он родился 13 декабря 1799 года. Во время крещения, а Гейне был выходцем из еврейской семьи) на вопрос пастора он ответил, что родился 13 декабря, но не 1799, а 1797 года. Эту дату и принято считать официальной, ибо кто осмелился солгать во время собственного крещения?

Крестился Гейне 28 июня 1825 года в возрасте 28 лет в маленьком городке Гайлигенштадте, близ Геттингена. Крестил его протестантский пастор Кристиан Гримм, втайне от семьи, поэт особенно боялся немилости со стороны богатого дядюшки, гамбургского банкира Соломона Гейне. Впрочем, богатый дядюшка, может быть, и мог бы простить племяннику переход в другую веру, но, как показали дальнейшие события, не простил ему красного словца. Фраза “лучшее в моем дяде то, что он носит мою фамилию”, дошла до него, хотя неизвестно, был ли поэт так уж не прав.

И как приятно, вероятно, было прочитать богатому дядюшке в своем альбоме: “Дорогой дядя, дай мне взаймы сто тысяч талеров и забудь навеки — любящий тебя племянник”.

Генрих Гейне. Рисунок В. Гензеля. 1829.

Сто тысяч талеров Гейне не получил, но так как по семейной традиции ему надлежало заниматься коммерцией, дядюшка банкир основал для племянника мануфактурную фирму “Гарри Гейне и К”. Собственно имя Генрих (Христиан-Иоганн Генрих) Гарри Гейне получил только при крещении. “Дара наживи” у племянника не оказалось, и фирма через год обанкротилась. Высказывания остроумного племянника-поэта были не забыты влиятельным дядюшкой-банкиром, который предпочел забыть его в завещании, оставив Гейне только небольшую ренту.

После смерти Соломона Гейне в Гамбурге в 1844 году началась, по словам поэта, “гамбургская война за наследство”. Кузен Карл, прямой наследник, пытался даже лишить своего двоюродного брата и этой ренты. Он отказался от своего намерения только при следующем условии: поэт обещал не писать ничего предосудительного против своей семьи. Ибо Генрих Гейне был не только “беспросветно умен”, но также “беспросветно остроумен”.

В год смерти Соломона Гейне поэт уже больше десяти лет жил во Франции. Жизнь в эмиграции — жизнь трудная во многих отношениях, и прежде всего в материальном. За редкими “тучными коровами” следовали многочисленные “тощие”, и еще чаще, по словам поэта, за “тощими” наступало “полное отсутствие говядины”.

До 1848 года Гейне имел небольшую субсидию от французского правительства, получал он ее главным образом благодаря своей известности еще и потому, что, по его словам, он во все времена “отважно сражался за Францию против многочисленных немецких “французоедов” (Franzosenfressen).

Этой, как сейчас говорят, “материальной помощи” лишил Гейне другой поэт — Ламартин, в 1848 году — министр иностранных дел Франции. Сам этот факт, кажется, потряс Гейне больше, чем потеря самого пособия: “Да, г-н де Ламартин лишил пособия бедного и больного поэта по имени Генрих Гейне. Это невероятно, но факт, и этот факт займет свое скорбное место в мартирологе, именуемом Deutsches Dichterleben “Жизнь немецкого поэта”.

К оправданию Ламартина можно сказать, что тот полагал — и это стало позже известно поэту, — что Гейне богат и в пособиях вряд ли нуждается, так как должен получать большую ренту, доставшуюся ему в наследство от дяди банкира. В то время казалось самим собой разумеющимся, что все носящие фамилию Гейне должны быть обеспечены, иное было так же странно, как если бы теперь кто-либо из семьи Ротшильдов просил материальную помощь, даже действительно в ней нуждаясь.

Кстати, о Ротшильде.

Барон и банкир Джеймс Ротшильд, с которым Гейне часто виделся в Париже, был особенно расположен к поэту. Он даже некоторое время занимался его денежными делами, подарив Гейне несколько акций. Все, к чему ни прикасался Ротшильд, приносило доход, доход принесли и эти акции. Тогда Гейне решил пуститься в спекуляции (уже без ведома банкира) и приобрел акции по газовому освещению Праги, которые в то время казались такими же рентабельными, как и нынешние акции общества по строительству туннеля через Ла-Манш. Поэт потерял на этом очень много денег, вместе с ними — хорошее настроение, но не чувство юмора. “И поделом мне, — сказал он одному из своих приятелей. — Рабби Бен Шлоим в Праге был совершенно прав. Когда одна старая еврейка бросилась к нему в слезах — Рабби, рабби, мой сын Ицкк упал с лестницы и сломал себе ногу! — тот ответил: — А что делать ев-

рею на лестнице. И “поэту на бирже”, — добавил Гейне. Отвратительный “трупный запах” слишком часто царил в его кошельке.

Гейне любил Францию и Великую французскую революцию, собственно за любовь к революциям он и подвергался гонению на родине. Чего он только ни делал в пику “отжившему” немецкому обществу на родине, даже завел роман с некоей рыжей Зефхен, жившей в глуши вестфальского леса. Она была дочерью и внучкой палача, и у нее были длинные волосы такого огненно-рыжего цвета, что когда она завязывала их под подбородком, то казалось, что струится кровь, как из обезглавленной жертвы гильотины. И “огонь этих рыжих волос” зажег в поэте, по его словам, две страсти, которые он и сохранил на всю жизнь, — любовь к прекрасному полу и к Французской революции...

Поэт покинул Германию не по “пустой прихоти” сердца: “Я покинул на родине все дорогое, что цвело и улыбалось мне там, например, мою мать”.

На родине поэту улыбалась не только его мать. Стихотворение Гейне о “кедре и пальме” в переводе Лермонтова знают все со школьных лет. Его любила и Клотильда Ботмер, на сестре которой был женат Федор Тютчев. Влюбленный в нее поэт часто посещал дом Тютчева, служившего в это время в русском посольстве в Германии.

На родине “цвели и улыбались” также и кузины, которым Гейне (а с ним и чело-вечество) обязан лучшей книгой, написанной им (“Buch der Lieder” — “Книга песен”). Поводом для нее была несчастная любовь поэта к кузине Амалии. Такое же неудавшееся увлечение другой кузиной — Терезой описано в некоторых стихах цикла “Heimkehr” (“Опять на родине”).

Наиболее известное стихотворение этого цикла о Лорелее навеяно легендой и скалой Лурлей на Рейне. На ней сидела волшебница Лорелея, расчесывая свои белокурые волосы “в сумеречный час и при свете луны”, и пела голосом “столь прелестным”, что проплывавшие мимо корабли, заслушавшись, разбивались о скалы.

О Лорелее уже были написаны баллады поэтами фон Брентано, фон Лебенем или Эйхендорфом, но только строфы Гейне повторялись на разных языках и в разных странах, а в России в переводе Александра Блока: “Пловец и лодочка, знаю, / Погибнет среди зыбей; / И всякий так погибает / От песен Лорелей”. Погибнет и другой поэт, Манделштам, пророчески себе предсказавший — “Россия, Лета, Лорелея”.

И если Гете гордился тем, что даже в Китае китайцы “дрожащей рукой” вырисовывали на стекле головки Вертера и Шарлотты, то гордиться мог и Гейне — так как в не менее далекой Японии первой иностранной книгой, переведенной на японский язык, была его “Книга песен”. Поэт заметил однажды “Aus meinen grossen Leiden / Mach’ich die kleinen Lieder” — (“Из всех больших печалей я создал маленькие песни”), можно добавить, каждая из которых есть также маленький шедевр. Хотя это и не помешало его соотечественникам связать в одной из эпиграмм: “Садовника кормит лопата, нищего кормит клюка, а мне приносила дукаты любовная тоска”.

Париж

Продолжение следует.